
РАЗДЕЛ 4.
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 341.96

М. В. Мещанова

**БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ:
ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ**

Рассматривается проблематика идентификации брачно-семейных отношений, входящих в предмет международного частного права. Исследуются общетеоретические подходы, связанные с пониманием предмета семейного права, а также с толкованием термина «иностраннный элемент». Приводится актуальная судебная практика по вопросу использования категории «иностраннный элемент» для решения вопроса о применимости положений международного договора о правовой помощи.

Обосновывается, что на данный момент отсутствуют легальные основания для оперирования понятием «иностраннный элемент» в сфере брачно-семейных отношений, однако для правоприменительной практики использование данного понятия является необходимым с целью идентификации отношений, порождающих коллизионный вопрос.

Научная новизна проведенного исследования заключается в выработке целостного подхода к пониманию брачно-семейных отношений с иностраннным элементом как интегральной части предмета международного частного права.

Результаты проведенного исследования могут использоваться при дальнейшей разработке теоретических основ международного частного права, в законопроектной деятельности, а также в преподавании семейного и международного частного права.

Целями настоящей статьи являются: определение брачно-семейных отношений с точки зрения доктрины семейного права; разграничение частноправовых и публично-правовых отношений, регулируемых нормами законодательства о браке и семье; анализ коллизионной категории «иностраннный элемент» в аспекте ее применимости к сфере брачно-семейных отношений.

Ключевые слова: трансграничные брачно-семейные отношения, иностраннный элемент, коллизионный вопрос, международное частное право.

На данный момент практически не возникает сомнений относительно признания брачно-семейных отношений с иностраннным элементом интегральной составляющей предмета международного частного права. Вместе с тем отсутствует единообразие подходов к идентификации указанной сферы отношений, в том числе дискуссионным моментом является присутствие публично-правового регулирования в брачно-семейном законодательстве и возможность вовлечения соответствующих отношений в предметную сферу международного частного права. Неопределенным также остается понятие «иностраннный элемент», что является определяющим фактором для возникновения коллизионного вопроса.

Для формулирования выводов о круге брачно-семейных отношений, входящих в предмет международного частного права, привлекались исследования специалистов в сфере семейного права: М. В. Антокольской [1], О. Ю. Косовой [2], А. Н. Левушкина [3], Ю. Ф. Беспалова [4]. При этом основное внимание уде-

лялось аспектам отграничения частноправовых и публично-правовых начал в брачно-семейном законодательстве.

В российской юридической доктрине концепция правового регулирования брачно-семейных отношений международного характера как объекта международного частного права Российской Федерации наиболее полно представлена в докторской диссертации Г. Ю. Федосеевой (2007 г.) [5].

В Республике Беларусь доктрина международного частного права, затрагивающая проблематику брачно-семейных отношений, на наш взгляд, не получила серьезного развития. Так, последнее диссертационное исследование по вопросам брачно-семейных отношений с иностранным элементом было защищено М. П. Короткевич более 10 лет назад [6]. При этом объектом исследования не являлись концептуальные вопросы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений, рассматривались только аспекты заключения и прекращения брака с иностранными гражданами и лицами без гражданства в Республике Беларусь преимущественно с позиций материально-правового регулирования. В 2011 г. Н. С. Байбороша (Н. С. Анцух) защитила кандидатскую диссертацию по специфическому вопросу – суррогатное материнство в международном частном праве [7]. По понятным причинам выводы общего характера относительно построения системы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений данное исследование также не содержало.

Вышеуказанные факторы свидетельствуют в пользу актуальности исследования брачно-семейных отношений с иностранным элементом как составляющей предмета международного частного права.

Тематика настоящей статьи взаимосвязана с реализацией подпрограммы «Право» Государственной программы научных исследований на 2016–2020 годы «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» и выполнением Институтом правовых исследований НЦЗПИ Республики Беларусь задания по теме «Проблемы реализации правосубъектности участников гражданских и семейных правоотношений и форм защиты их субъективных прав с учетом социально-экономических преобразований в Республике Беларусь».

Основная часть.

Одной из наиболее важных задач в контексте настоящего исследования является идентификация брачно-семейных отношений, которые входят в предмет международного частного права, поскольку именно эти отношения гипотетически должны допускать применение к их регулированию иностранного права. Подойдем к решению указанной задачи с точки зрения доктрины и современной зарубежной нормотворческой практики. При этом полагаем необходимым ответить на несколько вопросов.

1. Может ли доктрина международного частного права для определения круга отношений, входящих в предмет соответствующего правового регулирования использовать понятия, сгенерированные доктриной семейного права?

2. Следует ли жестко придерживаться позиции, согласно которой только частноправовые отношения, урегулированные брачно-семейным законодательством, могут входить в предмет международного частного права?

3. Насколько правомерным является использование понятия «иностраннный элемент» применительно к сфере брачно-семейных отношений, и каким должно быть содержание данного понятия в рассматриваемой сфере?

Отвечая на первый вопрос, считаем правильным согласиться с позицией Г. Ю. Федосеевой, согласно которой «иностраннный элемент или другой признак,

используемый для идентификации объекта международного частного права, не может изменить саму характеристику отношений как брачно-семейных ... особенности брачно-семейных отношений, выявленные отечественными учеными, могут быть использованы при характеристике брачно-семейных отношений международного характера» [8, с. 23].

В доктринах семейного и гражданского права продолжают оживленные дискуссии относительно выделения самостоятельной отрасли права – семейное право. При этом существуют диаметрально противоположные позиции. Так, М. В. Антокольская полагает, что «анализ отношений, регулируемых семейным правом, позволяет сделать вывод о том, что существенных различий между предметом семейного и гражданского права выявить невозможно» [1, с. 21]. Автор придерживается позиции об условности отраслевого деления и единстве частноправового регулирования, рассматривая семейное право как отрасль частного права. Вместе с тем большинство специалистов отстаивают идею о самостоятельности предмета правового регулирования и специфике методов семейного права, что дает основания для выделения отдельной отрасли права. Указанная точка зрения прослеживается, в частности, в работах О. Ю. Косовой [2], А. Н. Левушкина [3], Ю. Ф. Беспалова [4]. В контексте настоящего исследования для нас не имеет принципиального значения ответ на вопрос о признании семейного права самостоятельной отраслью права, однако, очевидно, что «объединяет семейное и гражданское право: не только социальная значимость регулируемых отношений, но и частный характер интересов их участников» [2]. Таким образом, семейное право с точки зрения его системных характеристик, так же как и гражданское, относится к частному праву.

На наш взгляд, при определении предмета семейного права нельзя буквально ориентироваться на содержание ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС Республики Беларусь) [9], поскольку различия между семейным правом и семейным законодательством очевидны. Отношения, регулируемые законодательством о браке и семье, могут иметь не только частноправовой характер, например регистрация актов гражданского состояния относится к административным процедурам, осуществляемым государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [10]. Публично-правовой характер соответствующих отношений, очевидно, не может допустить выбор иностранного права для их регулирования, если регистрация акта гражданского состояния происходит на территории Республики Беларусь, либо на территории иностранного государства, но в консульских учреждениях Республики Беларусь. Указанные публично-правовые положения основного кодифицированного акта брачно-семейного законодательства никак не могут быть признаны частью семейного права, хотя их взаимосвязь с регулированием частноправовых семейных отношений не нуждается в дополнительной аргументации.

Исходя из вышеизложенного, О. Ю. Косова формулирует, как представляется, сущностно правильное понятие отношений, входящих в предмет регулирования семейного права: «это личные неимущественные и имущественные отношения, возникающие в связи с созданием, функционированием и распадом семьи». Кроме того указанные отношения должны обладать рядом особенностей: 1) субъектами таких отношений могут быть только физические лица; 2) эти отношения по общему правилу носят устойчивый и длящийся характер; 3) таким отношениям присущ лично-доверительный характер; 4) возникновение этих отношений обусловлено особыми юридическими фактами, к числу кото-

рых относят родство, супружество, принятие детей на воспитание [2]. Следовательно, на наш взгляд, нельзя согласиться с тем, что семейное право имеет своим предметом отношения, указанные в ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [11], и некоторые иные семейные отношения, поскольку перечень ст. 2 не является исчерпывающим [4, с. 2]. Так, отношения публично-правового характера, складывающиеся с участием государственных органов, например, органов опеки и попечительства, органов регистрации актов гражданского состояния, Национального центра усыновления, входят в предмет регулирования брачно-семейного законодательства Республики Беларусь, но не в предмет семейного права. «Ядром предмета правового регулирования семейного права служат отношения между членами одной семьи, в социологическом ее понимании. Это отношения между супругами, родителями и детьми, усыновителями и усыновленными, опекунами (попечителями) и подопечными, приемными родителями и приемными детьми и др.» [2]. В предмет семейного права традиционно также включают некоторые отношения, которые складываются с участием бывших членов семьи. Все указанные отношения могут быть личными неимущественными и имущественными, направленными на удовлетворение интересов частных физических лиц. При этом, «выбор применимого права – решение коллизионной проблемы – осуществляется только для регулирования отношений, имеющих частноправовую природу» [8, с. 26].

Отвечая на второй из поставленных вопросов, полагаем оправданным утверждать, что только частные отношения, урегулированные брачно-семейным законодательством, могут входить в предмет международного частного права. Вместе с тем большинство семейных отношений, носящих личный неимущественный или имущественный характер, возникают на основании юридических фактов, зафиксированных государственными органами или организациями. В этой связи Г. Ю. Федосеева совершенно справедливо отмечает, что «нормы о порядке заключения и расторжения брака, порядке усыновления, порядке установления отцовства регулируют не частноправовые, а публично-правовые отношения процедурного характера» [8, с. 14]. Следовательно, такие отношения не могут допускать выбор применимого права, они регламентируются только правом того государства, на территории которого производятся соответствующие юридически значимые действия. Однако мы не согласимся с Г. Ю. Федосеевой в части того, что публично-правовое регулирование должно быть полностью исключено из раздела VII СК РФ, поскольку оно «не соответствует содержанию данного раздела как источника международного частного права, посвященного регулированию брачно-семейных отношений» [8, с. 14]. По нашему мнению, раздел VI КоБС Республики Беларусь (или раздел VII СК РФ) в целом не является источником международного частного права. Указанный раздел наряду с коллизионным регулированием неизбежно включает в себя нормы публично-правовой природы, которые устанавливают процедурные императивы, обязательные для соблюдения в сфере брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом. Таким образом, раздел VI КоБС Республики Беларусь (или раздел VII СК РФ) следует общей логике построения брачно-семейного законодательства, носящего комплексный характер.

Таким образом, в предмет международного частного права входят осложненные иностранным элементом личные неимущественные и имущественные отношения, возникающие между физическими лицами в связи с созданием, функционированием и распадом семьи. Наиболее значимыми группами таких

отношений являются: заключение брака; расторжение брака; признание брака недействительным; личные неимущественные и имущественные правоотношения супругов; установление и оспаривание отцовства (материнства); права и обязанности родителей и детей, в том числе алиментные обязательства; усыновление; опека и попечительство над несовершеннолетними.

Отвечая на третий вопрос, обратим внимание на легальную обоснованность использования понятия «иностранный элемент» в сфере правового регулирования брачно-семейных отношений и содержательное наполнение данного понятия.

Во-первых, необходимо отметить, что в брачно-семейном законодательстве Республики Беларусь термин «иностранный элемент» не употребляется. Раздел VI КоБС Республики Беларусь, исходя из его наименования «Применение законодательства Республики Беларусь о браке и семье к иностранным гражданам и лицам без гражданства. Применение законодательства о браке и семье иностранных государств и международных договоров», специально ориентирован на регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом по субъектному составу (иностранцы граждане и лица без гражданства). Вместе с тем не стоит забывать, что в брачно-семейной сфере регулирования могут встречаться и иные варианты иностранного элемента. Так, во внимание может приниматься не только фактор гражданства, но и фактор места постоянного проживания субъектов правоотношений (часть 2 ст. 229, часть 5 ст. 231, ст. 233, часть 1 ст. 234, ст. 235 КоБС Республики Беларусь). Исходя из зарубежной практики коллизионного регулирования, иностранный элемент может выражаться в нахождении объекта правоотношения за границей (например, имущество, нажитое супругами во время брака), однако в действующем брачно-семейном законодательстве Республики Беларусь данные отношения не урегулированы. Возникновение, изменение или прекращение брачно-семейных отношений может порождаться юридическими фактами, которые имели место за границей. Такой вариант иностранного элемента отражен в ст. 230, частях 4–6 ст. 231, части 3 ст. 232, части 6 ст. 233, ст. 234 КоБС. Во всех выше-названных случаях присутствия в брачно-семейных отношениях иностранного элемента защита семейных прав должна базироваться на правильном решении вопроса о выборе применимого к таким отношениям права.

Во-вторых, хотя термин «иностранный элемент», который применен в п. 1 ст. 1093 ГК Республики Беларусь, не используется в КоБС, тем не менее регулирование раздела VI в целом ориентировано на его присутствие в правоотношении. Несмотря на то, что на данный момент можно признать наличие в КоБС Республики Беларусь только односторонних коллизионных норм и то достаточно условно [12, с. 126–127], использование понятия «иностранный элемент» в сфере брачно-семейных отношений уже необходимо правоприменителю и, в первую очередь суду, хотя бы для разрешения споров с использованием международных договоров о правовой помощи.

Приведем показательный пример из судебной практики. В сентябре 2016 г. судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь рассмотрела материалы по частной жалобе М. на определение областного суда от 20 июня 2016 г. об отказе в возбуждении дела по заявлению М. об усыновлении (удочерении) [13]. В ходе рассмотрения жалобы было установлено, что гражданин Российской Федерации М. в 2011 г. вступил в брак с гражданкой Российской Федерации С., постоянно проживающей на территории Респуб-

лики Беларусь с тремя несовершеннолетними детьми (гражданами Российской Федерации). На основании заявления, поданного в областной суд, М. просил усыновить (удочерить) несовершеннолетних граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в Республике Беларусь.

Определением областного суда от 20 июня 2016 г. в возбуждении гражданского дела по заявлению М. отказано по тем основаниям, что данное заявление не подсудно суду Республики Беларусь, заявителю разъяснено право обращения в компетентный суд Российской Федерации. При отказе в возбуждении дела суд сослался на часть 2 ст. 237 КоБС Республики Беларусь, которая предусматривает безусловный приоритет международных договоров над нормами законодательства Республики Беларусь о браке и семье, а также на п. 4 ст. 37 Минской конвенции, согласно которому по делам об усыновлении или его отмене компетентно учреждение Договаривающейся Стороны, гражданином которой является усыновитель в момент подачи заявления об усыновлении или его отмене.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь для обоснования своей позиции использовала понятие «иностранный элемент» со следующей аргументацией: «международный гражданский процесс и нормы международного договора применяются при рассмотрении в суде споров, осложненных иностранным элементом, т. е. при наличии связи правоотношения с иностранным государством, которая выражается в наличии хотя бы у одного субъекта спорного правоотношения гражданства иностранного государства, его проживания в иностранном государстве и что юридический факт, имеющий значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, имел место на территории иностранного государства». Спорный характер приведенного обоснования очевиден. Так, возникновение процессуальных отношений в рамках международного гражданского процесса никак не связано с коллизивно-правовой категорией «иностранный элемент». Исходя из содержания раздела X Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь «Международный гражданский процесс» [14], правила международного гражданского процесса применяются судами Республики Беларусь при рассмотрении гражданских дел с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных юридических лиц, а также по спорам, по которым хотя бы одна из сторон проживает за границей. Особые правила применяются, если в споре участвует иностранное государство. Таким образом, в нашем примере в суд Республики Беларусь поступило заявление от иностранного гражданина по вопросу усыновления граждан иностранного государства, следовательно, ситуация международного гражданского процесса налицо. Далее возникает вопрос: существует ли прямая взаимосвязь между применением норм международного договора и осложнением отношения иностранным элементом в его классическом доктринальном понимании? По нашему мнению, такой взаимосвязи не существует. Здесь также необходимо отметить, что категория «иностранный элемент» относится к области национального законодательства, а любой международный договор имеет свою сферу применения. При этом «роль фильтра в определении перечня регулируемых отношений (и релевантных для них иностранных элементов) по общему правилу выполняют положения самого международного договора, очерчивающие сферу его действия» [15, с. 139]. Согласно п. 1 ст. 1 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (в редакции Протокола 1997 г.) (далее – Минс-

кая конвенция) [16] граждане каждой из Договаривающихся Сторон, а также лица, проживающие на ее территории, пользуются на территориях всех других Договаривающихся Сторон в отношении своих личных и имущественных прав такой же правовой защитой, как и собственные граждане данной Договаривающейся Стороны. В нашей ситуации гражданин другой Договаривающейся Стороны (Российской Федерации) – потенциальный усыновитель, обращается в суд Республики Беларусь за правовой защитой, следовательно, данный международный договор подлежит применению.

Стоит также обратить внимание на тот факт, что согласно ст. 165 СК РФ усыновление граждан Российской Федерации также гражданином Российской Федерации не признается международным, поскольку место постоянного проживания указанных лиц во внимание не принимается. При этом на основании п. 1 ст. 37 Минской конвенции «усыновление или его отмена определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, гражданином которой является усыновитель в момент подачи заявления об усыновлении или его отмене», то есть по законодательству Российской Федерации. Однако с точки зрения законодательства Республики Беларусь (ст. 233 КоБС) такое усыновление будет признаваться международным.

Ошибочный подход к применению категории «иностранный элемент» приводит к последующим некорректным выводам: «Из представленных же материалов видно, что требуемых для применения к возникшим правоотношениям норм международного договора не имеется: усыновитель и усыновляемые являются гражданами одного государства, все они имеют постоянное местожительство на территории Республики Беларусь, где и возник вопрос усыновления. Поэтому в данном случае в возникших между субъектами правоотношениях иностранный элемент отсутствует. Следовательно, является неправильным вывод суда о применении норм международного договора о подсудности данного дела».

Как было отмечено нами выше, ни в области международного гражданского процесса, ни при определении сферы применения международных договоров коллизионно-правовая категория «иностранный элемент» не применяется. Она используется только для выявления коллизионного вопроса и принятия решения о релевантности норм международного частного права. В рассмотренном примере данные вопросы не возникали. Кроме того, в сфере семейных отношений, исходя из действующего законодательства Республики Беларусь, отсутствуют правовые основания для оперирования категорией «иностранный элемент», ввиду того, что в республике действует межотраслевая систематизация норм международного частного права, а в КоБС Республики Беларусь данное понятие не содержится.

В предмет международного частного права входят осложненные иностранным элементом личные неимущественные и имущественные отношения, возникающие между физическими лицами в связи с созданием, функционированием и распадом семьи. Наиболее значимыми группами таких отношений являются: заключение брака; расторжение брака; признание брака недействительным; личные неимущественные и имущественные правоотношения супругов; установление и оспаривание отцовства (материнства); права и обязанности родителей и детей, в том числе алиментные обязательства; усыновление; опека и попечительство над несовершеннолетними.

Несмотря на то, что в разделе VI КоБС Республики Беларусь понятие «иностранный элемент» не содержится, положения данного раздела в целом ориен-

тированы на его присутствие. При этом правоприменителю и, в первую очередь суду, необходимо использовать категорию «иностранный элемент» для квалификации отношения как взаимосвязанного с правопорядком двух или более государств и, следовательно, порождающего коллизионный вопрос о выборе применимого права. Общее содержание понятия «иностранный элемент» не отличается в сфере брачно-семейных отношений какой-либо спецификой, оно основано на известной триаде: субъект, объект и юридический факт, лежащий в основе возникновения, изменения или прекращения правоотношения. В этой связи полагаем целесообразным включить толкование понятия «иностранный элемент» в общие положения международного частного права Республики Беларусь, которые, по мнению автора, должны быть закреплены в отдельном нормативном правовом акте [12, с. 93–94].

Список литературы

1. Антокольская, М. В. Семейное право : учеб. / М. В. Антокольская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : Инфра-М, 2013. – 431 с.
2. Косова, О. Ю. О предмете семейного права [Электронный ресурс] / О. Ю. Косова. – Режим доступа: <http://www.ex-jure.ru/freelaw/news.php?newsid=122>. – Дата доступа: 31.07.2020.
3. Левушкин, А. Н. К вопросу о понятии, предмете и системе семейного права России и других государств – участников СНГ на современном этапе развития / А. Н. Левушкин // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 5. – С. 36–39.
4. Беспалов, Ю. Ф. К вопросу о предмете семейного права / Ю. Ф. Беспалов // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 6. – С. 2–5.
5. Федосеева, Г. Ю. Брачно-семейные отношения как объект международного частного права Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Г. Ю. Федосеева ; Московская гос. юрид. академия. – М., 2007. – 392 л.
6. Короткевич, М. П. Заключение и прекращение брака с иностранными гражданами и лицами без гражданства в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. П. Короткевич ; Белорусский гос. ун-т. – Минск, 2008. – 23 с.
7. Байбороша (Анцух), Н. С. Суррогатное материнство в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. С. Байбороша (Анцух) ; Белорусский гос. ун-т. – Минск, 2011. – 23 с.
8. Федосеева, Г. Ю. Брачно-семейные отношения как объект международного частного права Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Г. Ю. Федосеева ; Московская гос. юрид. академия. – М., 2007. – 50 с.
9. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм., внесенными Законом Респ. Беларусь от 18.12.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
10. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200 : с изм., внесенными Указом Президента Респ. Беларусь от 14.04.2020 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2020.
11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ [Электронный ресурс] : принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г. : с изм., внесенными Федеральным законом от 02.12.2019 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
12. Мещанова, М. В. Система международного частного права Республики Беларусь / М. В. Мещанова. – Минск : БГУ, 2020. – 271 с.

13. Определение областного суда об отказе в возбуждении дела по заявлению гражданина Российской Федерации, проживающего на территории Республики Беларусь, об усыновлении (удочерении) отменено, поскольку является неправильным вывод суда о применении норм международного договора о подсудности данного дела [Электронный ресурс] : определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь, 1 сент. 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

14. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь от 11 янв. 1999 г., № 238-3 : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : с изм., внесенными Законом Респ. Беларусь от 18.12.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

15. Новикова, Т. В. Иностраный элемент в правоотношении, составляющем предмет международного частного права / Т. В. Новикова // Государство и право. – 2020. – № 2. – С. 133–142.

16. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : заключена в г. Минске 22.01.1993; в ред. Протокола от 28.03.1997 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS WITH A FOREIGN ELEMENT: PROBLEMS OF IDENTIFICATION IN THEORY AND PRACTICE

The article considers the problem of identification of marriage and family relations included in the subject of Private International Law. The article explores general theoretical approaches related to the understanding of the subject of Family law, as well as the interpretation of the term «foreign element». The article presents current judicial practice on the use of the category «foreign element» to address the question of the applicability of the provisions of the International Treaty on Legal Assistance.

It is substantiated that at the moment there are no legal grounds for operating with the concept of «foreign element» in the field of marriage and family relations, however, for law enforcement practice, the use of this concept is necessary in order to identify relations with a conflict issue.

The scientific novelty of the research is in the development of a holistic approach to understanding marriage and family relations with a foreign element as an integral part of the subject of Private International Law.

The results of the research can be used in the further development of the theoretical foundations of Private International Law, in legislative drafting activities, as well as in teaching Family Law and Private International Law.

The objectives of this article are: to define marriage and family relations from the point of view of the theory of Family Law; to differentiate between private and public law relations regulated by the rules of legislation on marriage and family; to analyze Conflict of Laws category «foreign element» in terms of its applicability to the sphere of marriage and family relations.

Keywords: cross-border marriage and family relations, foreign element, conflict issue, Private International Law.